

ПЕТР ПОРОХОВЩИКОВ

ИСКУССТВО РЕЧИ НА СУДЕ

МОСКВА

УДК 343.9
ББК 67.5
П59

Пороховщиков, Петр Сергеевич.

П59 Искусство речи на суде / П. С. Пороховщиков. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Классика совет-
ского права).

ISBN 978-5-04-237565-1

Пётр Сергеевич Пороховщиков — русский юрист и присяжный поверенный, один из крупнейших теоретиков судебного красноречия начала XX века. Книга «Искусство речи на суде» была написана и опубликована в дореволюционный период на основе обширной адвокатской практики автора. В работе рассматриваются задачи судебной речи, её логическое построение и психологическое воздействие на слушателей. Особое внимание уделено этическим основаниям выступления в суде. Издание представляет собой классический труд по юридической риторике.

**УДК 343.9
ББК 67.5**

ISBN 978-5-04-237565-1

**© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026**

Вместо предисловия

«Искусство речи на суде» — так называется книга П. Сергееча (П. С. Пороховщикова), вышедшая в 1910 году, задачей которой является исследование условий судебного красноречия и установление его методов. Автор — опытный судебный деятель, верный традициям лучших времен Судебной реформы, — вложил в свой труд не только обширное знакомство с образцами ораторского искусства, но и богатый результат своих наблюдений из области живого слова в русском суде. Эта книга является вполне своевременной и притом в двух отношениях. Она содержит практическое, основанное на многочисленных примерах, наизидание о том, как надо и — еще чаще — как не надо говорить на суде, что, по-видимому, особенно важно в такое время, когда развязность приемов судоговорения развивается на счет их целесообразности. Она своевременна и потому, что в сущности только теперь, когда накопился многолетний опыт словесного судебного состязания и появились в печати целые сборники обвинительных и защитительных речей, сделались возможным основательное исследование основ судебного красноречия и всесторонняя оценка практических приемов русских судебных ораторов...

Книга П. С. Пороховщикова — полное, подробное и богатое эрудицией и примерами исследование о существе и проявлениях искусства речи на суде. В авторе по-

переменно сменяют друг друга восприимчивый и чуткий наблюдатель, тонкий психолог, просвещенный юрист, а по временам и поэт, благодаря чему эта серьезная книга изобилует живыми бытовыми сценами и лирическими местами, вплетенными в строго научную канву. Таков, например, рассказ автора, приводимый в доказательство того, как сильно может влиять творчество в судебной речи даже по довольно заурядному делу. В те недавние дни, когда еще и разговора не было о свободе вероисповедания, полиция по сообщению дворника явилась в подвальное жилье, в котором помещалась сектантская молельня. Хозяин — мелкий ремесленник, — встав на пороге, грубо крикнул, что никого не впустит к себе и зарубит всякого, кто попытается войти, что вызвало составление акта о преступлении, предусмотренном статьей 286 Уложения о наказаниях и влекущем за собою тюрьму до четырех месяцев или штраф не свыше ста рублей. «Товарищ прокурора сказал: поддерживаю обвинительный акт. Заговорил защитник, и через несколько мгновений вся зала превратилась в напряженный, очарованный и встревоженный слух», — пишет автор. «Он говорил нам, что люди, оказавшиеся в этой подвальной молельне, собрались туда не для обычного богослужения, что это был особо торжественный, единственный день в году, когда они очищались от грехов своих и находили примирение со Всевышним, что в этот день они отрешались от земного, возносясь к божественному; погруженные в святая святых души своей, они были неприкосновенны для мирской власти, были свободны даже от законных ее запретов. И все время защитник держал нас на пороге этого низкого подвального хода, где надо было в темноте спуститься по двум ступенькам, где толкались дворники и где за дверью в низкой убогой комнате сердца молившихся уносились к Богу... Я не могу передать этой речи и впечатления, ею произведенного, но скажу, что не переживал более возвышенного настроения. Заседание происходило вечером, в небольшой, тускло освещенной зале, но над нами рас-

ступились своды, и мы со своих кресел смотрели прямо в звездное небо, из времени в вечность...»

Можно не соглашаться с некоторыми из положений и советов автора, но нельзя не признать за его книгой большого значения для тех, кто субъективно или объективно интересуется судебным красноречием как предметом изучения, или как орудием своей деятельности, или, наконец, как показателем общественного развития в данное время. Четыре вопроса возникают обыкновенно перед каждым из таких лиц: что такое искусство речи на суде? какими свойствами надо обладать, чтобы стать судебным оратором? какими средствами и способами может располагать последний? в чем должно состоять содержание речи и ее подготовка? На все эти вопросы встречается у П. С. Пороховщикова обстоятельный ответ, разбросанный по девяти главам его обширной книги. Судебная речь, по его мнению, есть продукт творчества, такой же его продукт, как всякое литературное или поэтическое произведение. В основе последних лежит всегда действительность, преломившаяся, так сказать, в призме творческого воображения. Но такая же действительность лежит и в основе судебной речи, действительность по большей части грубая, резкая. Разница между творчеством поэта и судебного оратора состоит главным образом в том, что они смотрят на действительность с разных точек зрения и сообразно этому черпают из нее соответствующие краски, положения и впечатления, перерабатывая их затем в доводы обвинения или защиты или в поэтические образы. «Молодая помещица, — говорит автор, — дала пощечину слишком смелому поклоннику. Для сухих законников это 142 статья Устава о наказаниях, — преследование в частном порядке, — три месяца ареста; мысль быстро пробежала по привычному пути юридической оценки и остановилась. А Пушкин пишет «Графа Нулина», и мы полвека спустя читаем эту 142 статью и не можем ею начитаться. Ночью на улице ограбили прохожего, сорвали с него шубу... Опять все просто, грубо, бессодержательно:

грабеж с насилием, 1642 статья Уложения — арестантские отделения или каторга до шести лет, а Гоголь пишет «Шинель» — высокохудожественную и бесконечно драматическую поэму. В литературе нет плохих сюжетов; в суде не бывает неважных дел и нет таких, в которых человек образованный и впечатлительный не мог бы найти основы для художественной речи». Исходная точка искусства заключается в умении уловить частное, подметить то, что выделяет известный предмет из ряда ему подобных. Для внимательного и чуткого человека в каждом незначительном деле найдется несколько таких характерных черт, в них всегда есть готовый материал для литературной обработки, а судебная речь, по удачному выражению автора, «есть литература на лету». Отсюда, собственно, вытекает и ответ на второй вопрос: что нужно для того, чтобы быть судебным оратором? Наличие прирожденного таланта, как думают многие, вовсе не есть неперемное условие, без которого нельзя сделаться оратором. Это признано еще в старой аксиоме, говорящей, что *oratores fiunt* (1). Талант облегчает задачу оратора, но его одного мало: нужны умственное развитие и умение владеть словом, что достигается вдумчивым упражнением. Кроме того, другие личные свойства оратора, несомненно, отражаются на его речи. Между ними, конечно, одно из главных мест занимает его темперамент. Блестящая характеристика темпераментов, сделанная Кантом, различавшим два темперамента чувств (сангвинический и меланхолический) и два темперамента деятельности (холерический и флегматический), нашла себе физиологическую основу в труде Фулье «О темпераменте и характере». Она применима ко всем говорящим публично. Разность темпераментов и вызываемых ими настроений говорящего обнаруживается иногда даже помимо его воли в жесте, в тоне голоса, в манере говорить и способе держать себя на суде. Типическое настроение, свойственное тому или другому темпераменту оратора, неминуемо отражается на его отношении к обстоятельствам, о которых он говорит, и на

форме его выводов. Трудно представить себе меланхолика и флегматика, действующими на слушателей исполненной равнодушия, медлительной речью или безнадежной грустью, «уныние на фронт наводящею», по образному выражению одного из приказов императора Павла. Точно так же не может не сказываться в речи оратора его возраст. Человек, «слово» и слова которого были проникнуты молодой горячностью, яркостью и смелостью, с годами становится менее впечатлительным и приобретает больший житейский опыт. Жизнь приучает его, с одной стороны, чаще, чем в молодости, припоминать и понимать слова Экклезиаста о «суете сует», а с другой стороны, развивает в нем гораздо большую уверенность в себе от сознания, что ему — старому испытанному бойцу — внимание и доверие оказываются очень часто авансом и в кредит, прежде даже чем он начнет свою речь, состоящую нередко в бессознательном повторении самого себя. Судебная речь должна заключать в себе нравственную оценку преступления, соответствующую высшему мировоззрению современного общества. Но нравственные воззрения общества не так устойчивы и консервативны, как писанные законы. На них влияет процесс то медленной и постепенной, то резкой и неожиданной переоценки ценностей. Поэтому оратор имеет выбор между двумя ролями: он может быть послушным и уверенным выразителем господствующих воззрений, солидарным с большинством общества; он может, наоборот, выступить в качестве изобличителя распространенных заблуждений, предрассудков, косности или слепоты общества и идти против течения, отстаивая свои собственные новые взгляды и убеждения. В избрании одного из этих путей, намеченных и автором, неминусом должны сказываться возраст оратора и свойственные ему настроения.

Содержание судебной речи играет не меньшую роль, чем искусство в ее построении. У каждого, кому предстоит говорить публично, и особенно на суде, возникает мысль: о чем говорить, что говорить и как говорить? На первый

вопрос отвечает простой здравый рассудок и логика вещей, определяющая последовательность и связь между собою отдельных действий. Что говорить — укажет та же логика, на основе точного знания предмета, о котором приходится повествовать. Там, где придется говорить о людях, их страстях, слабостях и свойствах, житейская психология и знание общих свойств человеческой природы помогут осветить внутреннюю сторону рассматриваемых отношений и побуждений. При этом надо заметить, что психологический элемент в речи вовсе не должен выражаться в так называемой глубине психологического анализа, в разворачивании человеческой души и в копаньи в ней для отыскания очень часто совершенно произвольно предполагаемых в ней движений и побуждений. Фонарь для освещения этих глубин уместен лишь в руках великого художника-мыслителя, оперирующего над им же самим созданным образом. Уж если подражать, то не Достоевскому, который буравит душу, как почву для артезианского колодца, а удивительной наблюдательности Толстого, которую ошибочно называют психологическим анализом. Наконец, совесть должна указать судебному оратору, насколько нравственно пользоваться тем или другим освещением обстоятельств дела и возможным из их сопоставления выводом. Здесь главная роль в избрании оратором того или другого пути принадлежит сознанию им своего долга перед обществом и перед законом, сознанию, руководящемуся заветом Гоголя: «Со словом надо обращаться честно». Фундаментом всего этого, конечно, должно служить знакомство с делом во всех его мельчайших подробностях, причем трудно заранее определить, какая из этих подробностей приобретет особую силу и значение для характеристики события, лиц, отношений... Для приобретения этого знакомства не нужно останавливаться ни перед каким трудом, никогда не считая его бесплодным. «Те речи, — совершенно справедливо указывает автор, — которые кажутся сказанными просто, в самом деле составляют плод широкого общего образо-

вания, давнишних частых дум о сущности вещей, долгого опыта и — кроме всего этого — напряженной работы над каждым отдельным делом». К сожалению, именно здесь чаще всего сказывается наша «лень ума», отмеченная в горячих словах еще Кавелиным.

В вопросе: как говорить — на первый план выступает уже действительное искусство речи. Пишущему эти строки приходилось, читая лекции уголовного судопроизводства в Училище правоведения и в Александровском лицее, выслушивать не раз просьбу своих слушателей разъяснить им, что нужно, чтобы хорошо говорить на суде. Он всегда давал один и тот же ответ: надо знать хорошо предмет, о котором говоришь, изучив его во всех подробностях, надо знать родной язык, с его богатством, гибкостью и своеобразностью, так, чтобы не искать слов и оборотов для выражения своей мысли и, наконец, надо быть искренним. Человек лжет обыкновенно трояким образом: говорит не то, что думает, думает не то, что чувствует, то есть обманывает не только других, но и самого себя, и, наконец, лжет, так сказать в квадрате, говоря не то, что думает, и думая не то, что чувствует. Все эти виды лжи могут находить себе место в судебной речи, внутренне искажая ее и ослабляя ее силу, ибо неискренность чувствуется уже тогда, когда не стала еще, так сказать, осязательной... Знаменательно, что Бисмарк в одной из своих парламентских речей, характеризуя красноречие как опасный дар, имеющий, подобно музыке, увлекающую силу, находил, что в каждом ораторе, который хочет действовать на своих слушателей, должен заключаться поэт, и, если он властелин над своим языком и мыслями, он овладевает силою действовать на тех, кто его слушает. Языку речи посвящены две главы в труде П. С. Пороховшикова, со множеством верных мыслей и примеров. Русский язык и в печати, и в устной речи подвергается в последние годы какой-то ожесточенной порче... Автор приводит ряд слов и оборотов, вошедших в последнее время в практику судоговорения без всякого основания

и оправдания и совершенно уничтожающих чистоту слога. Таковы, например, слова — фиктивный (мнимый), инспирировать (внушать), доминирующий, симуляция, травма, прекарность, базировать, варьировать, таксировать (вместо наказывать), корректив, дефект, анкета, деталь, досье (производство), адекватно, аннулировать, ингредиент, инсценировать и т. д. Конечно, есть иностранные выражения, которые нельзя с точностью перевести по-русски. Таковы приводимые автором — абсентеизм, лояльность, скомпрометировать; но у нас употребляются термины, смысл которых легко передаваем на русском языке. В моей судебной практике я старался заменить слово *alibi*, совершенно непонятное огромному большинству присяжных, словом инобытность, вполне соответствующим понятию *alibi*, и название заключительного слова председателя к присяжным — резюме — названием «руководящее напутствие», характеризующим цель и содержание речи председателя. Эта замена французского слова *resume*, как мне казалось, встречена была многими сочувственно. Вообще привычка некоторых из наших ораторов избегать существующее русское выражение и заменять его иностранным или новым обличает малую вдумчивость в то, как следует говорить. Новое слово в сложившемся уже языке только тогда извинительно, когда оно безусловно необходимо, понятно и звучно. Иначе мы рискуем вернуться к отвратительным искажениям русского официального языка после Петра Великого и почти до царствования Екатерины, совершаемым притом, употребляя тогдашние выражения, «без всякого резону по бизарии своего гумору».

Но не одна чистота слога страдает в наших судебных речах: страдает и точность слога, заменяемая излишком слов для выражения иногда простого и ясного понятия, причем слова эти нанизываются одно за другим ради пущего эффекта. В одной не слишком длинной обвинительной речи о крайне сомнительном истязании приемыша-девочки женщиной, взявшей ее на воспитание, судьи

и присяжные слышали, по словам автора, такие отрывки: «Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном совпадают; развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; то, что вы слышали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом...» Неточностью слога страдают речи большинства судебных ораторов. У нас постоянно говорят «внутреннее убеждение», «внешняя форма» и даже — *harribile dictu* (2) — «для проформы». При привычной небрежности речи нечего и ждать правильного расположения слов, а между тем это было бы невозможно, если бы оценивался вес каждого слова во взаимоотношении с другими. Недавно в газетах было напечатано объявление: «актеры-собаки» вместо «собаки-актеры». Стоит переставить слова в народном выражении «кровь с молоком» и сказать «молоко с кровью», чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного на свое место. К недостаткам судебной речи автор, в свою очередь, относит «сорные мысли», то есть общие места, избитые (и не всегда верно приводимые) афоризмы, рассуждения о пустяках и вообще всякую не идущую к делу «отсебятину», как называли в журнальном мире заполнение пустых мест в книге или газете. Он указывает, затем, на необходимость пристойности. «По свойственному каждому из нас чувству изящного, — пишет он, — мы бываем впечатлительны к различию приличного и неуместного в чужих словах; было бы хорошо, если бы мы развивали эту восприимчивость и по отношению к самим себе». Но этого, к великому сожалению тех, которые помнят лучшие нравы в судебном ведомстве, нет. Современные молодые ораторы, по свидетельству автора, без стеснения говорят о свидетельницах: содержанка, любовница, проститутка, забывая, что произнесение этих слов составляет уголовный проступок и что свобода судебной речи

не есть право безнаказанного оскорбления женщины. В прежнее время этого не было. «Вы знаете, — говорит обвинитель в приводимом автором примере, — что между Янсенем и Акар существовала большая дружба, старинная приязнь, переходящая в родственные отношения, которые допускают возможность обедать и завтракать у нее, заведовать ее кассой, вести расчеты, почти жить у нее». Мысль понятна, прибавляет автор, и без оскорбительных грубых слов.

К главе о «цветах красноречия», как несколько иронически называет автор изящество и блеск речи — этот «курсив в печати, красные чернила в рукописи», — мы встречаем подробный разбор риторических оборотов, свойственных судебной речи, и в особенности образов, метафор, сравнений, противопоставлений и т. д. Особое внимание уделяется образам, и вполне основательно. Человек редко мыслит логическими посылками. Всякое живое мышление, обращенное не на отвлеченные предметы, определяемые с математической точностью, как, например, время или пространство, непременно рисует себе образы, от которых отправляется мысль и воображение или к которым они стремятся. Они властно вторгаются в отдельные звенья целой цепи размышлений, влияют на вывод, подсказывают решимость и вызывают нередко в направлении воли то явление, которое в компасе называется девиацией. Жизнь постоянно показывает, как последовательность ума уничтожается или видоизменяется под влиянием голоса сердца. Но что же такое этот голос, как не результат испуга, умиления, негодования или восторга пред тем или другим образом? Вот почему искусство речи на суде заключает в себе умение мыслить, а следовательно, и говорить образами. Разбирая все другие риторические обороты и указывая, как небрегут некоторыми из них наши ораторы, автор чрезвычайно искусно цитирует вступление в речь знаменитого Chaix-d'Est-Ange по громкому делу ла Ронсьера, обвинявшегося в покушении на целомудрие девушки, отмечая в отдельной графе,

рядом с текстом, постепенное употребление защитником самых разнообразных оборотов речи.

Хотя, собственно говоря, ведение судебного следствия не имеет прямого отношения к искусству речи на суде, но в книге ему посвящена целая, очень интересная глава, очевидно, в том соображении, что на судебном следствии и особенно на перекрестном допросе продолжается судебное состязание, в которое речи входят лишь как заключительные аккорды. В этом состязании, конечно, главную роль играет допрос свидетелей, ибо прения сторон по отдельным процессуальным действиям сравнительно редки и имеют строго деловой, заключенный в узкие и формальные рамки характер. Наша литература представляет очень мало трудов, посвященных допросу свидетелей. Особенно слабо разработана психология свидетельских показаний и те условия, которые влияют на достоверность, характер, объем и форму этих показаний. Я пытался по мере сил пополнить этот пробел в введении в четвертое издание моих «Судебных речей» в статье «Свидетели на суде» и горячо приветствую те 36 страниц, которые П. С. Пороховщиков посвящает допросу свидетелей, давая ряд животрепещущих бытовых картин, изображая недомыслие допрашивающих и снабжая судебных деятелей опытными советами, изложенными с яркой доказательностью.

Объем настоящей статьи не позволяет коснуться многих частей книги, но нельзя не указать на одно оригинальное ее место. «Есть вечные, неразрешимые вопросы о праве суда и наказания вообще, — говорит автор, — и есть такие, которые создаются столкновением существующего порядка судопроизводства с умственными и нравственными требованиями данного общества в определенную эпоху». Вот несколько вопросов того и другого рода, остающихся нерешенными и донныне и с которыми приходится считаться: в чем заключается цель наказания? можно ли оправдать подсудимого, когда срок его предварительного заключения больше срока угрожающего ему наказания? можно ли оправдать подсудимого по сообра-

жению: на его месте я поступил бы так же, как он? может ли безупречное прошлое подсудимого служить основанием к оправданию? можно ли ставить ему в вину безнравственные средства защиты? можно ли оправдать подсудимого потому, что его семье грозит нищета, если он будет осужден? можно ли осудить человека, убившего другого, чтобы избавиться от физических или нравственных истязаний со стороны убитого? можно ли оправдать второстепенного соучастника на том основании, что главный виновник остался безнаказанным вследствие небрежности или недобросовестности должностных лиц? заслуживает ли присяжное показание большего доверия, чем показание без присяги? какое значение могут иметь для данного процесса жестокие судебные ошибки прошлых времен и других народов? имеют ли присяжные заседатели нравственное право считаться с первым приговором по кассированному делу, если на судебном следствии выяснилось, что приговор был отменен неправильно, например, под предлогом нарушения, многократно признанного Сенатом за несущественное? имеют ли присяжные нравственное право на оправдательное решение вследствие пристрастного отношения председательствующего к подсудимому? и т. п. По мере сил и нравственного разумения судебный оратор должен основательно продумать эти вопросы не только как законник, но и как просвещенный сын своего времени. Указание на эти вопросы во всей их совокупности встречается в нашей юридической литературе впервые с такою полнотою и прямотою. Несомненно, что перед юристом-практиком они возникают нередко, и необходимо, чтобы неизбежность того или другого их решения не заставляла его врасплох. Решение это не может основываться на бесстрастной букве закона; в нем должны найти себе место и соображения уголовной политики, и повелительный голос судебной этики, этот *non scripta, sed nata lex* (3). Выставляя эти вопросы, автор усложняет задачу оратора, но вместе с тем облагораживает ее.

Обращаясь к некоторым специальным советам, даваемым автором адвокатам и прокурорам, приходится прежде всего заметить, что, говоря об искусстве речи на суде, он напрасно ограничивается речами сторон. Руководящее напутствие председателя присяжным относится тоже к области судебной речи, и умелое его изложение всегда имеет важное, а иногда решающее значение. Уже самые требования закона — восстановить истинные обстоятельства дела и не высказать при этом личного мнения о вине или невиновности подсудимого — должны заставлять председателя относиться с особым вниманием и вдумчивостью не только к содержанию, но и к форме своего напутствия. Восстановление нарушенной или извращенной в речах сторон перспективы дела требует не одного усиленного внимания и обостренной памяти, но и обдуманной постройки речи и особой точности и ясности выражений. Необходимость же преподать присяжным общие основания для суждения о силе доказательств, не выражая притом своего взгляда на ответственность обвиняемого, налагает обязанность крайне осторожного обращения со словом в исполнении этой скользкой задачи. Здесь вполне уместны слова Пушкина: «Блажен, кто словом твердо правит — и держит мысль на привязи свою...» Руководящее напутствие должно быть свободно от пафоса, в нем не могут находить себе места многие из риторических приемов, уместных в речах сторон; но если образы заменяют в нем сухое и скупое слово закона, то оно соответствует своему назначению. Кроме того, не следует забывать, что огромное большинство подсудимых во время уездных сессий не имеет защитников или получает подчас таких, назначенных от суда из начинающих кандидатов на судебные должности, про которых обвиняемый может сказать: «Избави нас бог от друзей!» В этих случаях председатель нравственно обязан изложить в сжатых, но живых выражениях то, что можно сказать в защиту подсудимого, просящего очень часто в ответе на речь обвинителя «судить по-божески» или беспомощно разводя-

щего руками. Несмотря на то, что в 1914 г. исполнилось пятидесятилетие со времени издания Судебных уставов, основы и приемы руководящего напутствия мало разработаны теоретически и совсем не разработаны практически, да и в печати до последнего времени можно было найти лишь три моих напутствия — в книге «Судебные речи» да в старом «Судебном вестнике» речь Дейера по известному делу Нечаева и первые председательские опыты первых дней Судебной реформы, этот «Фрейшиц, разыгранный перстами робких учениц». Поэтому нельзя не пожалеть, что автор «Искусства речи на суде» не подверг своей тонкой критической оценке речи председателя и своей разработке основоположения последней.

Нельзя не присоединиться вполне к ряду практических советов прокурору и защитнику, которыми автор заключает свою книгу, облекая их в остроумную форму с житейским содержанием, почерпнутым из многолетнего судебного опыта, но трудно согласиться с его безусловным требованием письменного изложения предстоящей на суде речи. «Знайте, читатель, — говорит он, — что, не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь с пером в руке. Вам предстоит не публичная лекция, не поэтическая импровизация, как в «Египетских ночах». Вы идете в бой. Поэтому, по мнению автора, во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть ее должна быть изложена в виде самостоятельного целого и эти части затем соединены между собою в общее неуязвимое целое». Совет писать речи, хотя и не всегда в такой категорической форме, дают и некоторые классические западные авторы (Цицерон, Боннье, Орглоф и др.); дает его, как мы видели, Миттермайер, а из наших ораторов-практиков — Андреевский. И все-таки с ними согласиться нельзя. Между импровизацией, которую наш автор противопоставляет писаной речи, и устной, свободно слагающейся в самом заседании речью

есть большая разница. Там все неизвестно, неожиданно и ничем не обусловлено, — здесь есть готовый материал и время для его обдумывания и распределения. Роковой вопрос: «Господин прокурор! Ваше слово», застающий, по мнению автора, врасплох человека, не высидевшего предварительно свою речь на письме, обращается ведь не к случайному посетителю, разбуженному от дремоты, а к человеку, по большей части писавшему обвинительный акт и наблюдавшему за предварительным следствием и, во всяком случае, просидевшему все судебное следствие. Ничего неожиданного для него в этом вопросе нет, и «хвататься наскоро за все, что попадет под руку», нет никаких оснований, тем более что в случае «заслуживающих уважения оправданий подсудимого», то есть в случае разрушения улики и доказательств, подавших повод для предания суду, прокурор имеет право и даже нравственно обязан отказаться от поддержания обвинения. Заранее составленная речь неизбежно должна стеснять оратора, гипнотизировать его. У всякого оратора, пишущего свои речи, является ревниво-любтивное отношение к своему труду и боязнь утратить из него то, что достигнуто иногда усидчивой работой. Отсюда нежелание пройти молча какой-либо частью или местом своей заготовленной речи; скажу более — отсюда стремление оставить без внимания те выяснившиеся в течение судебного следствия обстоятельства, которые трудно или невозможно подогнать к речи или втиснуть в места ее, казавшиеся такими красивыми или убедительными в чтении перед заседанием. Эта связанность оратора своей предшествующей работой должна особенно увеличиваться, если следовать совету автора, которым он — и притом не шутливо — заключает свою книгу: «Прежде, чем говорить на суде, скажите вашу речь во вполне законченном виде перед потешными присяжными. Нет нужды, чтобы их было непременно двенадцать; довольно трех, даже двух, не важен выбор: посадите перед собою вашу матушку, брата-гимназиста, няню или кухарку, денщика или дворника». Мне в моей долгой

судебной практике приходилось слышать ораторов, которые поступали по этому рецепту. Подогретое блюдо, подаваемое ими суду, бывало неудачно и безвкусно; их пафос звучал деланностью, и напускное оживление давало осязательно чувствовать, что перед слушателями производится, как затверженный урок, то, что французы называют «une improvisation soigneusement preparee» (4). Судебная речь — не публичная лекция, говорит автор. Да, не лекция, но потому-то именно ее и не следует писать вперед. Факты, выводы, примеры, картины и т. д., приводимые в лекции, не могут измениться в самой аудитории: это вполне готовый, сложившийся материал, и накануне, и перед самым началом, и после лекции он остается неизменным, и потому здесь еще можно говорить если не о написанной лекции, то во всяком случае о подробном ее конспекте. Да и на лекции не только форма, но и некоторые образы, эпитеты, сравнения непредвиденно создаются у лектора под влиянием его настроения, вызываемого составом слушателей, или неожиданным известием, или, наконец, присутствием некоторых лиц... Нужно ли говорить о тех изменениях, которые претерпевает первоначально сложившееся обвинение и самая сущность дела во время судебного следствия? Допрошенные свидетели забывают зачастую, о чем показывали у следователя, или совершенно изменяют свои показания под влиянием принятой присяги; их показания, выходя из горнила перекрестного допроса, иногда длящегося несколько часов, кажутся совершенно другими, приобретают резкие оттенки, о которых прежде и помину не было; новые свидетели, впервые являющиеся в суд, приносят новую окраску «обстоятельствам дела» и дают данные, совершенно изменяющие картину события, его обстановки, его последствий. Кроме того, прокурор, не присутствовавший на предварительном следствии, видит подсудимого иногда впервые, — и перед ним предстает совсем не тот человек, которого он рисовал себе, готовясь к обвинению или по совету автора занимаясь писанием обвинительной

речи. Сам автор говорит по поводу живого сотрудничества оратору других участников процесса, что ни одно большое дело не обходится без так называемых *insidents d'audience* (5). Отношение к ним или к предшествующим событиям со стороны свидетелей, экспертов, подсудимого и противника оратора может быть совсем неожиданным... Большие изменения может вносить экспертиза. Вновь вызванные сведущие лица могут иногда дать такое объяснение судебно-медицинской стороне дела, внести такое неожиданное освещение смысла тех или других явлений или признаков, что из-под заготовленной заранее речи будут выдвинуты все сваи, на которых держалась постройка. Каждый старый судебный деятель, конечно, многократно бывал свидетелем такой «перемены декораций». Если бы действительно существовала необходимость в предварительном письменном изложении речи, то возражения обыкновенно бывали бы бесцветны и кратки. Между тем в судебной практике встречаются возражения, которые сильнее, ярче, действительнее первых речей. Я знал судебных ораторов, отличавшихся особой силой именно своих возражений и даже просивших председателей не делать перед таковыми перерыва заседания, чтобы сразу, «упорствуя, волнуясь и спеша», отвечать противникам. Несомненно, что судебный оратор не должен являться в суд с пустыми руками. Изучение дела во всех подробностях, размышление над некоторыми возникающими в нем вопросами, характерные выражения, попадающиеся в показаниях и письменных вещественных доказательствах, числовые данные, специальные названия и т. п. должны оставить свой след не только в памяти оратора, но и в его письменных заметках. Вполне естественно, если он по сложным делам набросает себе план речи или ее схему (так делывал князь А. И. Урусов, располагавший на особых таблицах улики и доказательства концентрическими кругами), своего рода *vade mecum* (6) в лесу разнородных обстоятельств дела. Но от этого еще далеко до изготовления речи «в окончательной форме». Поэтому я, нико-

гда не писавший своих речей предварительно, позволяю себе в качестве старого судебного деятеля сказать молодым деятелям вопреки автору «Искусства речи на суде»: не пишите речей заранее, не тратьте времени, не полагайтесь на помощь этих сочиненных в тиши кабинета строк, медленно ложившихся на бумагу, а изучайте внимательно материал, запоминайте его, вдумывайтесь в него — и затем следуйте совету Фауста: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собою!»

К этому я прибавил бы еще одно: читайте со вниманием книгу П. С. Пороховщикова — с ее написанных прекрасным, живым и ярким слогом поучительных страниц веет настоящей любовью к судебному делу, обращающей его в призвание, а не в *ремесло*...

А. Ф. Кони